

уникальными чертами и никак не могут повторяться буквально. Отсюда вытекает возможность различных истолкований истории, ее герменевтического понимания. История воспринимается как текст с неоднозначно зашифрованным будущим.

Знание истории, включая историю науки, содержит информацию о совершенных ошибках, о тех или иных заблуждениях и тупиковых направлениях развития. Вместе с тем история свидетельствует и об упущенных возможностях. Сослагательное наклонение вопреки известному утверждению составляет необходимый фон, на котором разыгрываются исторические события. На фактах истории пытаются учиться, но, как правило, люди все равно, из поколения в поколение совершают одни и те же ошибки. Исторические факты как знания сильно отличаются от знания исторических законов. Знание последних, которое можно получить лишь на основе изучения истории, как и знание всяких законов, должно обладать огромной прогностической ценностью. Другое дело, что законы истории имеют общий характер, и их знание не дает конкретного прогнозирования исторических событий. Зато будущее полно романтики и таит в себе неожиданности. История науки не составляет исключения, поэтому молодежь тянется к науке, а ученые продолжают делать неожиданные открытия.

Главное, что способна дать история, — это лучшее знание настоящего и реальную возможность заглянуть в будущее. Историческое знание имеет прогностическую ценность, на что даже историки науки не всегда обращают должное внимание. Сама по себе история науки, взятая в единстве разных аспектов (когнитивном, деятельностном, институциональном и т. д.), вместе со своим «прорастанием» в будущее, т. е. с возможными вариантами последующего развития науки, дает эмпирический фундамент для моделирования развития всего человеческого сообщества. А рефлексирующая мысль — не важно кого именно: историка науки, философа или кого-нибудь еще — в принципе способна производить теоретизацию соответствующих исторических фактов, что повышает степень прогностической ценности истории науки.

Е. В. Ускова
г. Екатеринбург

НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Рациональность, реализм и релятивизм — эти понятия находятся в неразрывной связи. По нашему глубокому убеждению, rea-

лизм и релятивизм оказываются двумя различными вариантами или гранями рациональности. Если мы попытаемся сказать нечто о рациональности, то вынуждены будем исходить прежде всего из самого слова, которое является латинским по своему происхождению. В русском языке произошла дифференциация смысла латинского корня «ratio» в двух различных словах — *рацион* и *рациональность*. Понятие «рацион» вобрало в себя значение «счет, мера», а «рациональность» стало отождествляться с разумом, рассудком¹. Иными словами мы можем сказать, что рациональность — это некоторая характеристика человеческого ума, говорящая об его упорядоченности и соразмерности. Природа человеческого разума устроена так, что он все время нечто классифицирует, отождествляет, анализирует и синтезирует. Если человек производит такие процедуры, то он мыслит рационально.

Необходимо отметить, что рациональность — это предельно общее понятие. На самом деле рассуждения о рациональности вообще оказываются часто слишком абстрактными и лишены смысла. Рациональность все-таки необходимо специфицировать: можно говорить о рациональности повседневной жизни, о рациональности науки или рациональности истории. Мы же попытаемся сказать нечто о философском понимании рациональности. Но философское понимание рациональности также оказывается обусловлено определенной областью философии. Поэтому мы сосредоточимся на понятии рациональности, которое появляется в философии науки, в близкой ей по духу аналитической философии и прагматизме. Мы попытаемся создать и описать тот образ рациональности, который рождается в англо-американской философии XX века.

Если человек мыслит рационально, то он вольно или невольно склоняется к размышлению о мире. И эти размышления приводят к появлению различных представлений о нем. Но эти представления могут отличаться друг от друга не только в зависимости от границ между символическими мирами, но и в пределах одного символического мира. Так, мы можем говорить о различных представлениях о материи внутри науки, о которых впервые, по мнению Я. Хакинга, написал Герц², о различных философских системах, о различных направлениях в искусстве и о разных религиях как способах связи с Абсолютом. В этом смысле границы рациональности могут соответственно пониматься двояко: во-первых, это могут быть в принципе разные способы осмысления мира именно в рамках различных символических представлений, либо, во-вторых, границы, пролегающие внутри одной из этих областей.

Исходя из этих разных подходов, мы можем, например, сравнивать разные символические представления на предмет их большей или меньшей рациональности: тогда могут появляться суждения о том, что художественное представление мира менее рационально, чем научное, но, возможно, более рационально, чем религиозное, и подобные им. Или, например, мы можем, уже находясь внутри одной из областей, скажем, таких, как наука, утверждать, что ньютоновская физика более рациональна, чем квантовая механика.

Если же говорить о философии, и именно о философии того времени, которое мы предпочли для нашего рассмотрения, то здесь, безусловно, проблема границы рациональности пролегает именно в пределах того теоретического поля, которое очерчивается такими понятиями, как реализм и релятивизм. Эти понятия не являются антонимами, но они в некотором смысле могут рассматриваться как противоположные. Понятие реализма связано с пониманием реальности, а понятие релятивизма связано с характером осмысления того способа, с помощью которого мы формируем это понятие о реальности.

Что касается философии, то ее роль следующая. Она как раз является тем арбитром, который выносит решающие заключения о приоритете, а вернее, истинности тех представлений, которые порождает наука. Отсюда и рождается первое из понятий — рождается проблема реализма. Потому что «когда появляются различные виды представлений, появляется проблема того, какое из них реально»³. В результате получается, что именно философия узаконивает статус истинных представлений, указывает на то, какова реальность на самом деле.

Что же касается релятивизма, то он также с неизбежностью указывает нам на понятие рациональности, но с другой стороны. Релятивизм связан с различными способами представления реальности, а также с оценкой этих способов с точки зрения рациональности. Реализм ищет преимущественно один истинный способ описания реальности, релятивизм полагает, что таких способов может быть множество и они могут быть одинаково адекватными. Реализм сосредоточен на постоянстве как основной характеристике рациональности, а релятивизм — на изменении. С нашей точки зрения, рациональность, будучи основой всей человеческой культуры, как и она сама, представляет собой сочетание таких взаимоисключающих друг друга явлений, как постоянство и изменение. Человек оказывается способным к порождению и закреплению некоторых правил и норм своей и общественной жизни, что является проявлением рациональности, но этот же самый человек также

оказывается способен к сознательной оценке и переоценке, а возможно, и к изменению этих норм. Изменение и постоянство — вот основа рациональности. Именно поэтому мы можем говорить о реализме как об одной границе рациональности и релятивизме как о другой ее границе.

Особенностью современной философии становится то, что вне зависимости от темы исследования философы так или иначе затрагивают проблемы реализма и релятивизма. Наибольший интерес к данным темам проявляли и проявляют англо-американские философы. Среди них нельзя не назвать П. Фейерабенда и Т. Куна, К. Поппера и У. Куайна, Р. Карнапа и Л. Витгенштейна, Р. Рорти и Д. Девидсона, Х. Патнэма и Я. Хакинга и многих других.

Говоря о рациональности, мы предполагаем, вслед за историками философии науки, выделение трех ее возможных вариантов: критериальной, анархистской и некритериальной. Критериальная концепция рациональности предполагает, что мы расцениваем нечто как рациональное именно в силу некоторого критерия. Им может быть очевидность (как у Р. Декарта) или верифицируемость (как у позитивистов). Анархистский подход традиционно приписывают Куну и Фейерабенду, полагавшим, что наука ничем особенным не отличается от религии или мифологии, она, как и они, основана на вере — на вере в факты. Некритериальная концепция рациональности принадлежит Патнэму, он полагает, что рациональность не имеет четко заданного критерия, а рождается в процессе коммуникации.

Мы склоняемся к третьей модели, хотя осознаем все ее неизбежные противоречия, создаем некоторую модификацию этой третьей модели, которая учитывала бы антифундаменталистский характер рациональности. Попытаемся выявить и описать рациональность исходя из самого способа ее существования и действия. Рациональность тогда можно понимать как некоторый дискурс, который задает место, время, а также наши способы описания и высказывания.

Если обратиться к анархистской концепции, то ее приверженцы полагают, что рациональность, а вернее, наука как ее высшее проявление, основана на вере в факты. Главной проблемой здесь оказывается отношение между фактами и теорией. Анархистская концепция верно указывает на то, что мы никогда не можем доказать наших исходных посылок, аксиом, из которых исходим. Если обратит этот вывод к понятию реализма, исследуемого нами, то окажется, что реалисты верят в реальность физического мира или состояний сознания. И ведь они именно верят, но не могут этого

доказать. То есть рациональность по своей сути основывается на вере и поэтому не может быть доказана в принципе. Однако анархистская концепция тогда сталкивается с проблемой перевода, которая на деле оказывается чисто теоретической, так как на практике мы все время осуществляем этот процесс перевода.

Как полагает Патнэм, выдвигающий свою концепцию рациональности, возможность осуществления перевода связана с гипотезой интерпретативной доброжелательности. Но, как верно указывают его критики, сама эта гипотеза неявно предполагает существование исходных критериев рациональности. Таким образом, мы обнаруживаем логический круг в этих рассуждениях. Одним из возможных выходов из него может быть представление о трансцендентальном характере рациональности.

Наша задача состоит в том, чтобы показать, что рациональность как таковая имеет свою форму. И она может быть описана с помощью таких понятий, как реализм и релятивизм. Мы полагаем, что рациональность — это больше, чем вера, но меньше, чем навечно зафиксированный стандарт человеческого мышления. Рациональность нельзя рассматривать и как идеал, так как она все время присутствует в нашей жизни, скорее, она — инструмент, помогающий нам. А реалисты и релятивисты сталкиваются друг с другом именно потому, что по-разному представляют себе рациональность и ее задачи.

Проблема критериальной концепции рациональности заключается в том, что мы не можем обосновать этого критерия. А проблема анархистской концепции в том, что она не учитывает очевидных фактов: в своей реальной практике мы каждый день сталкиваемся с тем, что осуществляем отделение рациональных рассуждений от всех остальных. И мы не можем согласиться с тем, что это происходит только на основе веры. Однако и некритериальная концепция Патнэма также внутренне противоречива, а вариант трансцендентальной рациональности также не кажется нам эвристичным.

Нам представляется, что незачем помещать рациональность за пределы реальности, в которой мы живем. Она функционирует и осуществляет себя здесь, и поэтому понимать ее надо как явление постороннее. Рациональность — это одна из приоритетных возможностей, в которых осуществляет себя человеческое мышление. Рациональность можно понимать как некоторое поле, в котором осуществляется взаимодействие человека с миром и другим человеком. Она обеспечивает момент понимания и взаимопонимания. Рациональность также можно понимать как одну из возможностей структурирования информации. Рациональность — это поле,

в рамках которого мы можем организовать осмысленное взаимодействие с миром. А дальше мы можем представить себе различные секторы, участки этого поля, в рамках которых и осуществляется особое взаимодействие с миром, это и могут быть реализм и релятивизм.

Наша задача состоит не в том, чтобы показать их возможную противоположность, а в том, чтобы утвердить их равные права на существование как разных секторов поля под названием рациональность. Секторы этого поля являются в равной степени рациональными, поэтому спор между реалистами и антиреалистами, релятивистами и антирелятивистами, а их — между собой, лишен смысла. Их позиции в равной степени недоказуемы именно в силу того, что мы не можем доказать истинности исходных посылок. Поэтому у нас нет и не может быть никаких подтверждений того, что позиция реализма в большей степени обоснована, чем позиция релятивизма.

¹ См.: Леонтьева Е. Ю. Рациональность и ее типы: генезис и эволюция: Автореф. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2003.

² См.: Хакинг Я. Представление и вмешательство: Введение в философию естественных наук. М., 1998. С. 156.

³ Там же. С. 157.

В. М. Селезнев
г. Екатеринбург

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ НА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И ВНУТРИНАУЧНЫЕ ТИПЫ

В современной философии и науке проблема рациональности занимает одно из важных мест. Понятие «рациональность» полисемично. Этим словом часто обозначают самые разнообразные и почти не сочетающиеся друг с другом оттенки научно-философской мысли. Трудно судить о критерии, позволяющем провести необходимые демаркации. Для этого потребуется определить понятие «рациональность» и проследить ее социокультурное воплощение.

Под рациональностью будем подразумевать установку, сложившуюся в рамках европейской цивилизации, на понимание мира и отношения «мир — человек», согласно которой, во-первых, разум человека (либо сверхчеловеческое разумное начало) обладает безусловным приоритетом перед другими личностными качествами — чувствами, переживаниями, ощущениями, стремлениями, во-